

На правах рукописи

РУТЕР ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА

ТАБУ В ФОЛЬКЛОРНЫХ ПОЭМАХ М ЦВЕТАЕВОЙ
(ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Специальность 10.02.01 – Русский язык

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Ростов-на-Дону — 2007

Работа выполнена на кафедре общего и сравнительного языкознания Южного федерального университета.

Научный руководитель:

кандидат филологических наук, доцент
Табаченко Людмила Владимировна

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор
Милевская Татьяна Валентиновна

кандидат филологических наук, доцент
Ахапкин Денис Николаевич

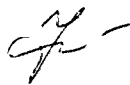
Ведущая организация: *Смоленский государственный университет*

Защита состоится 12 ноября 2007 г. в 10 часов на заседании диссертационного совета Д 212.208.09 по филологическим наукам при Южном федеральном университете по адресу: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 150, факультет филологии и журналистики Южного федерального университета.

С диссертацией можно ознакомиться в Зональной научной библиотеке Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 148).

Автореферат разослан 11 октября 2007 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

Ф.Г Самигулина

Актуальность исследования. Одним из важных направлений современной лингвистики является исследование языка художественной литературы как совокупности поэтических идиолектов разных авторов. В связи с этим представляется актуальным обращение к идиолекту М. Цветаевой¹, который отражает свойственную литературе XX в установку на поэтический эксперимент, сочетающуюся с цветаевской «исключительной лингвистической интуицией» (Л В. Зубова) Поэтический эксперимент М. Цветаевой проявился в том числе в освоении ею фольклорных языковых традиций, в частности традиции словесного табуирования, основанного на древнейшем, архаическом представлении о мире. Сочетая архаические черты с современными, табу в поэтическом идиолекте М. Цветаевой представляет собой уникальное, специфическое по природе, семантике и функциям образование.

Проблема табуирования в цветаевских текстах в той или иной степени затрагивалась в работах В.Ю. Александрова, К.Б. Жогоиной, Л В Зубовой, Ю.В. Малковой, М Мейкина, Г.Ч. Павловской. В определенный период творчества, а именно в 20-х гг. XX в (одновременно с оформлением «русского» русла в творчестве М. Цветаевой), табуирование было одним из наиболее ярких и часто используемых ею приемов, что отмечают некоторые исследователи, в частности Г.Ч. Павловская. В связи с этим анализ цветаевских табу в рамках поэтического идиолекта особенно актуален. Тем не менее подробного и всестороннего исследования этого явления в цветаеведении нет, что, возможно, связано со сложностью, проблематичностью и дискуссионностью вопроса о табу в современной лингвистике. Особую значимость приобретает исследование приема табуирования в фольклорных поэмах М. Цветаевой, поскольку в этих произведениях гармонично сочетаются народная, архаическая основа и ее индивидуально-авторское переосмысление.

Объект исследования – табу на слова в цветаевских фольклорных поэмах (под фольклорными поэмами понимаются поэмы М. Цветаевой, написанные ею на народные сюжеты «Переулочки», «Молодец», «Царь-Девица», «Егорушка»)

---

¹Об идиолекте М. Цветаевой см. работы Л В Зубовой, К Б Жогоиной, Е Б Коркиной, В А Масловой, М Мейкина, О Г Ревзиной, А А Саакянц, И А Шевеленко и др.

Предмет исследования – семантические, структурные и функциональные особенности слов-табу в поэтическом идиолекте М. Цветаевой.

Цель исследования – выявить авторские особенности табу в поэмах М. Цветаевой, написанных на народные сюжеты, в сопоставлении с архаической традицией табуирования. Для этого необходимо решить следующие **задачи**: 1) определить фонетические, семантические и функциональные особенности слов-табу в архаической традиции; 2) отобрать на этом основании все примеры словесного табу в фольклорных поэмах М. Цветаевой; 3) классифицировать отобранные слова на основе семантики и способа табуирования; 4) проанализировать степень влияния традиции на процесс табуирования в поэмах М. Цветаевой путем сопоставления примеров из текста с данными этнологии; 5) выявить формальные, семантические и функциональные авторские особенности табуирования в поэмах; 6) определить место и роль табуирования в поэтическом идиолекте М. Цветаевой.

В работе используются следующие **методы исследования**: сравнительно-исторический метод; интерпретация художественного текста и лингвистического материала; семантический (с опорой на словарные дефиниции), фонетический и структурный анализ, сопоставление, описание.

Научная новизна работы состоит в том, что она является первым комплексным исследованием особенностей табуирования в цветаевских текстах (на примере фольклорных поэм). В данной диссертации представлена разработанная автором классификация запретных слов не только на основе семантики (деление на тематические группы, далее ТГ), но и по способу табуирования (табу, замещенные эвфемизмами, и умолчания, которые, в свою очередь, делятся на неназывания и недоговаривания). Кроме того, впервые предпринято исследование опущения (неназывания) слова как одного из приемов табуирования, который получает право на существование в связи с особой ролью молчания как ритуала в культуре многих народов. Определены в качестве стилеобразующих такие приемы, как монтаж (попеременная, параллельная подача сюжетного действия, происходящего одновременно в разных локусах) и принцип калейдоскопа (многовариантная перегруппировка эвфемизмов и эпитетов одного персонажа, явления на основе каких-либо значимых его признаков).

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в следующем: разработаны такие вопросы теории языкового табу-

ирования, как определение слов-табу в тексте и их типология; дана характеристика табу в рамках теории семантического поля и в сопоставлении с тропами и фигурами речи, предложены термины для обозначения табу, различных по природе, структуре и функциям; развита теория словесного табуирования применительно к поэтическому идиолекту М. Цветаевой и языку художественной литературы в целом, намечены место и роль этого явления в поэтическом идиолекте М. Цветаевой, которые могут быть окончательно определены при комплексном анализе других авторских текстов; продолжена разработка концепции семантической емкости слова (термин Л.А. Введенской) как одной из ведущих черт поэтического идиолекта М. Цветаевой (см. исследования Н.В. Черных), определена специфика цветаевского фольклоризма в усвоении традиции табуирования.

Практическая значимость:

1 Результаты исследования могут быть использованы при составлении словарей поэтического языка, при анализе других текстов М. Цветаевой и произведений иных авторов, возможно применение результатов и методов данной работы при исследовании концептов в идиолекте М. Цветаевой (см. научные труды В.А. Масловой) Материал диссертации, вынесенный в Приложения, может использоваться при анализе фольклоризма М. Цветаевой, семантической емкости слов, языковых связей в системе поэтического идиолекта

2 Использование предложенного в работе алгоритма анализа позволяет реализовать в учебном процессе один из ведущих постулатов современного образования – межпредметные связи в обучении, поскольку табу является объектом изучения не только лингвистики, но и этнологии, фольклора, психологии.

3 Результаты исследования могут применяться в лингвистических и литературоведческих курсах и спецкурсах по творчеству М. Цветаевой, фольклоризму, этнолингвистике.

Результаты работы были отражены в докладах и обсуждались на X и XII Международных научно-тематических конференциях «Марина Цветаева в русской культуре XX века» (г. Москва, 2002 г) и «Стихия и разум в жизни и творчестве М. Цветаевой» (там же, 2004 г); Международной научной конференции «Языковая система и речевая деятельность: лингвокультурологический и прагматический аспекты»

(г Ростов-на-Дону, 2007 г.); Международной научной конференции «Рациональное и эмоциональное в фольклоре и в литературе» (г. Волгоград, 2003 г), Международной научной конференции «Язык в пространстве и времени» (г Самара, 2002 г.); Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Эстетические и лингвистические аспекты анализа текста и речи» (г Соликамск, 2002 г); конференции аспирантов и соискателей РГУ (2003 г.); конференциях аспирантов факультета филологии и журналистики РГУ (2001, 2002, 2004 гг.); студенческих научных конференциях РГУ (1999, 2000, 2001 гг.)

Содержание диссертации отражено в 15 печатных работах по теме исследования (8 статей, 7 публикаций тезисов)

Положения, выносимые на защиту:

1. Общая семантика табуированных слов (ТГ «смерть», «нечисть», «части тела», «имена», «люди», «пища» и под.) позволяет М. Цветаевой остаться в рамках традиции, в то время как их семантические оттенки свидетельствуют об авторском переосмыслении традиционных понятий.

2. В процессе табуирования проявилась специфика цветаевских оценочных характеристик окружающего мира, свойственная ей «смена знаков на противоположные»

3. Способы табуирования слов в фольклорных поэмах М. Цветаевой (эвфемизация, умолчание) традиционны, но их одновременная реализация в одной коммуникативной ситуации, применительно к одному объекту, обусловлена авторской задачей (детальное описание явления, поддержание читательского интереса и др.).

4. Эвфемизмы М. Цветаевой, как традиционные, так и индивидуально авторские, обладают семантической емкостью, которая выражается в богатстве их семантических оттенков, опредмечивании метафор и фразеологизмов.

5. Недоговаривания в фольклорных поэмах, помимо внутренних причин табуирования, всегда имеют внешнее, сюжетное обоснование.

6. Кроме традиционных функций (предохранительной, объяснительной, регламентирующей), табу в фольклорных поэмах М. Цветаевой выполняют и специфические функции, обусловленные авторским замыслом (привлечение читателя к сотворению смысла произведения и поддержание его постоянного интереса к тексту, моделирование

сюжета художественного произведения, создание фона повествования, анонсирующая функция).

7 Явление словесного табу в фольклорных поэмах М. Цветаевой представляет собой сочетание традиционных черт со специфическими авторскими, что, с одной стороны, позволяет говорить об усвоении автором фольклорного материала, с другой стороны, подчеркивает способность М. Цветаевой переработать известный материал в соответствии с собственной концепцией, актуализирует отношение М. Цветаевой к слову как сакральному и амбивалентному явлению.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных источников и словарей, библиографии и четырех приложений, в которых в табличной форме приведен анализируемый материал со ссылкой на источник и описанием основных особенностей, а также выделены традиционные и авторские черты языкового табу в поэтическом идиолекте М. Цветаевой.

Содержание работы Во введении обоснованы актуальность и научная новизна выбранной темы, определены объект и предмет исследования, сформулированы его цели и задачи, описаны методы и алгоритм анализа материала, определены положения, выносимые на защиту, обозначены теоретическая и практическая значимость работы

В первой главе «Проблемы теории языкового табу» излагаются проблемные вопросы теории табу (в этнологическом и лингвистическом аспектах) определен круг источников информации о табу в славянской традиции; даны определение и типология этого языкового явления; в рамках теории семантического поля выявлены семантические, структурные, ассоциативные связи, лежащие в основе механизма табуирования слов

В п. 1.1 «Табу в этнологическом освещении» дается характеристика этого явления как неспецифически языкового; обоснована его связь с мифологическим мышлением Тематика табу охватывает многие значимые стороны человеческой жизни. Основные функции табу – предохранительная, объяснительная и регламентирующая, однако в поэтическом тексте словесные табу неизбежно выполняют и другие функции, обусловленные авторской природой текста (например, создание фона повествования, выделение значимых черт героя, привлечение читателя к соучастию в сотворении смысла произведения и др)

В п. 1.2 «Лингвистические аспекты изучения табу» описывается современное состояние вопроса о табу как языковом явлении

В п. 1.2.1 «Источники изучения языкового табу в традиции славян» определен круг источников, помогающих в исследовании табуирования. В качестве источников могут быть использованы данные памятников письменности, диалектов, современного русского языка, родственных славянских и индоевропейских языков, этнографические материалы, а также язык произведений фольклора (в первую очередь причитаний, заговоров, заклинаний, загадок, поверий, сказок и быличек). Некоторые произведения устного народного творчества или их элементы были использованы М. Цветаевой при создании анализируемых поэм, что позволило определить эти поэмы как фольклорные

В п. 1.2.2. рассматривается вопрос о языковом табу в современной научной литературе. Ученые (О.С. Ахманова, Ж.Ж. Варбот, С Видлак, М.М. Маковский, Д.Э. Розенталь и др) определяют табу как запрет на употребление некоторых слов, вызванный различными экстралингвистическими факторами (социально-политическими, историческими, культурными, этическими, эмоциональными и т д) Цель табу – исключить из употребления не понятие, которое остается необходимым обществу, а слово-название. Эвфемизм – слово или выражение, заменяющее табуированное В качестве эвфемизма обычно используют многозначное слово, одно из значений которого совпадает со значением табу; описательное выражение или определение; слово, являющееся хвалебной характеристикой опасного явления или уничижительной – ценного предмета; обобщенное название, местоимение и т д., то есть в основе подбора эвфемизмов лежат системные языковые связи и механизмы.

Чтобы исследование табу и эвфемизмов было продуктивным, необходимо разработать алгоритм их выявления и классификации. Этому вопросу посвящен п. 1.2.3 «Проблемы выделения и типологии языковых табу». Вербальное табуирование охватывает только существительные и глаголы (крайне редко – прилагательные), причем морфологическая характеристика табу ничем не отличает их от нейтральной лексики, поэтому классификацию слов-табу по частеречной принадлежности проводить нецелесообразно. Основным критерием, по ко-

торому проводится отбор, является семантика табуированного слова. Классификация слов-табу осуществляется путем выделения в массиве запретной лексики группы слов определенной семантической направленности – ТГ Слово-ядро, определяющее ТГ, как правило, концептуально. Например, в ТГ «смерть» в фольклорных поэмах М. Цветаевой входят табу на название смерти, покойника, гроба, кладбища, на использование глаголов со значением ‘готовить(ся) к смерти’, ‘умереть’, ‘не умирать’, ‘убить’, ‘пропасть’ и т.д.

По характеру запрета табу делятся на архаические (обусловленные верой в могущество слова) и этикетные (обусловленные нормами приличия, цензурой)

По способу табуирования в идиолекте М. Цветаевой выделяются табу, замещенные эвфемизмами, и табу-умолчания, которые, в свою очередь, делятся на неназывания и недоговаривания (см. п. 2.3).

П. 1.2.4 «Табу и эвфемизмы на фоне теории семантического поля». Любое слово в языке, являясь частью системы, так или иначе связано с другими словами. На основе формальных либо семантических связей слова, которые потенциально являются ядром семантического поля (далее СП), образуют вокруг себя системы, обладающие определенной структурой. Слово можно определить наиболее полно, лишь выявляя его связь (иногда даже ассоциативную) с другими словами

При анализе СП в связи с табуированием выявляются следующие проблемы.

Во-первых, одно и то же слово может относиться к нескольким системам одновременно, будучи наиболее тесно связанным с какой-то одной. Особенно это характерно для творчества М. Цветаевой. Она изменяет объем СП путем включения в него эвфемизмов, которые в своем прямом значении в это поле не входят. К примеру, слово *мóлодец* в прямом значении входит в СП *молодость, стать, красота*, а в качестве эвфемизма – в СП *нечисть*, поскольку обозначает упыря.

Во-вторых, некоторые СП могут пересекаться. Так, слово *душа* может принадлежать одновременно к СП *душа, чувства, жизнь, смерть*

Можно выявить более или менее крупные лексические группы, охваченные языковым запретом; при этом деление слов на семантические группы нельзя провести одним способом. Часто на основе

родо-видовых отношений определяется общее значение некоторой группы слов, объединенных семантикой. Иногда эвфемизмы (все примеры – из фольклорных поэм М. Цветаевой, эвфемизмы даны курсивом) располагаются вокруг табу-доминанты, образуя синонимические ряды (например, ‘черт’ – *шут, с кисточкой, не-наш, сам-сам* и т.д.).

В п. 1.2.5 «Способы табуирования слов» описаны способы табуирования, которые делятся на две группы: табуирование на основе умолчания и путем эвфемистической замены

В первой группе выделяются табу-неназывания и табу-недоговаривания (подробнее см. п. 2.3.2). Неназывания формально являются пропуском табуированного слова, например: “*Уж и жар! // Уж и пляс! // На три Волги расплелась!*” (о косе). Недоговаривания представляют собой фонетически измененное табуированное слово, которое реализуется в речи в виде начального слога или звука или опускается, но восстанавливается по рифме: «*Стоит наш знакомец-то, // Грызет упо —*» (по рифме – *упокойницу*).

Замена эвфемизмом является традиционным и самым продуктивным способом табуирования слов. При этом вариантов подбора эвфемизмов очень много.

На место табуированной формы может ставиться ее семантический эквивалент. В поэмах М. Цветаевой эвфемизмом обычно служит неполный синоним, который близок по значению табуированному слову, но одновременно отличается от него (‘упырь’ – *нежить*, ‘нечисть’ – *сатаны*, ‘болезнь’ – *порча, сглаз*). Явление эвфемизации может основываться и на семантической противопоставленности, что выражается в использовании эвфемизмов-антонимов (в языке художественного текста – в основном контекстуальных: ‘упырь’ – *мóлодец*, ‘хоронить’ – *возводить дом*, то есть узуальные, внеситуативные значения табу и эвфемизма антонимами не являются). Часто табуированная лексема с негативной семантикой заменяется эвфемизмом, приукрашивающим ее, с целью «задобрить» могущественные силы (‘покойник’ – *молодѐц*, ‘нечисть’ – *гости расхорошие*). С той же целью в качестве эвфемизмов могут употребляться слова с уменьшительно-ласкательным суффиксом (‘дрожь’ – *лихоманочки*). Иногда в процесс табуирования в качестве эвфемистических замен вовлекаются местоимения (*Сама* – о волчице, *не-наш, сам-сам* – о чёрте).

Распространен способ замены табуированного слова описательной конструкцией ('умереть' – *испустить душу*, 'убить' – *кость с мясом врозь развести*, 'нечисть' – *сброд красен-незван*), то есть эвфемизация строится на основе перифразы.

Таким образом, для поэтического идиолекта М Цветаевой характерны практически все традиционные способы табуирования слов. Однако его авторская особенность – одновременная реализация нескольких способов табуирования слов применительно к одному объекту, в рамках одной коммуникативной ситуации. К примеру, слово со значением 'упырь' табуируется как недоговариванием (*у-[пырь]*, см ниже), так и эвфемизацией (*молодец, чужой, нежить, не свой* и др.).

В п. 1.2.6 дается характеристика табу и эвфемизмов в сопоставлении с тропами и фигурами речи (эллипсисом (п. 1.2.6.1), метафорой и перифразой (п. 1.2.6.2)). Формально похожие явления табу и эллипсиса абсолютно нетождественны по семантике, обязательности смыслового восстановления, степени экспрессивности и функциям. Взаимосвязь эвфемизмов, метафор и перифраз сложна, так как это явления разного уровня. Явления метафоризации и эвфемизации часто перетекают одно в другое (языковое табу служит основой для возникновения некоторых метафор в современном языке, в то же время один из продуктивных способов табуирования – подбор эвфемизмов на основе метафор). Тем не менее, не всякий эвфемизм метафоричен и не всякая метафора есть эвфемизм (то же касается соотношения эвфемизмов и перифраз), хотя часто в зависимости от задач, целей исследования одно и то же слово или словосочетание можно определить и как метафору, и как эвфемизм. Если эвфемизм многокомпонентный, то он перифрастичен ('незаконнорожденный ребенок' – *ничей сын*), если при этом обладает образностью, то и метафоричен ('кладбище' – *крестовый садик*, 'могила' – *дом на крестовой улице*).

Во второй главе «Языковое табу в фольклорных поэмах М. Цветаевой» выявляются особенности фольклоризма М И Цветаевой; определяется место словесного табуирования в ее поэтическом идиолекте; классифицируются и анализируются табуированные слова; на основе сопоставлений с этнологическими данными выявляются как структурные и семантические, так и функциональные особенности слов-табу в фольклорных поэмах М Цветаевой.

В п. 2.1 «Табу в поэтическом идиолекте М. Цветаевой» отмечено, что архаические табу активно использовались М. Цветаевой в период с 1917 до конца 20-х гг., то есть в то время, когда в ее творчестве возникло фольклорное направление. Наиболее выразительны подобные табу в поэмах, написанных на народные сюжеты. Иногда архаические табу используются Цветаевой на заключительном этапе творчества – в прозе (эссе «Черт», «Мой Пушкин», «Повесть о Сонечке» и др.), публицистике, поздних стихотворениях, – однако случаи такого использования единичны и полностью обусловлены контекстом (описание детских впечатлений, смерти, нечисти, имен и т.д.). Это позволяет связать использование архаических табу с влиянием фольклорной и этнологической традиции

В п. 2.2 «Фольклорная основа поэм “Царь-Девница”, “Молодец”, “Переулочки” и “Егорушка”» описаны особенности фольклоризма М. Цветаевой, а также перечислены основные фольклорные источники ее поэм.

В п. 2.2.1 «Фольклоризм М. Цветаевой» отмечается своеобразие ее обращения к фольклорному материалу. При всей каноничности фольклор подразумевает и некоторую вариативность, вносимую в текст исполнителем. Писатель также создает вариации на тему фольклорных произведений, сохраняя источник в более или менее первоизданном виде. Специфика цветаевского фольклоризма заключена в переосмыслении народных произведений и их истолковании в соответствии с собственной концепцией. Часто фольклор отражается ее поэтическим языком в сугубо авторских формах, но при этом не теряет своего исконного своеобразия, что позволило исследователям обозначить фольклоризм М. Цветаевой как «природный» (определение В.Ю. Александрова).

В п. 2.2.2 «Народные сюжеты как основной источник фольклорных поэм М. Цветаевой» перечислены фольклорные произведения, которые (как правило, в виде отдельных элементов) были положены в основу цветаевских текстов: «Царь-Девница» – одноименная сказка из собрания А.Н. Афанасьева, сказки о Василисе Прекрасной и Бове-королевиче; «Молодец» – сказка «Упырь» из собрания А.Н. Афанасьева, былички об упыре; «Переулочки» – былина о Добрыне и Маринке. «Егорушка» не имеет фольклорного источника и основан,

вероятно, на духовных стихах и легендах о Егории Храбром. Можно провести сюжетные параллели этой поэмы с легендами о Никите Кожемяке, сказками о дружбе людей и животных («Звериное молоко», «Иван-царевич и серый волк»), легендой о Ромуле и Рэме. В тексты поэм также включены элементы заговоров, лирических и колыбельных песен, частушек, обрядовых действий, что позволяет при анализе слов-табу привлекать этнологический материал.

В п. 2.3 «Классификация словесных табу в фольклорных поэмах М. Цветаевой по форме» приведена классификация по способу табуирования, согласно которой табу делятся на умолчания (неназывания и недоговаривания) и слова, замещенные эвфемизмами.

В п. 2.3.1. «Табу, замещенные эвфемизмами» дана характеристика основного способа табуирования слов. Эвфемизмами заменяются в первую очередь ТГ слов с наиболее ярко выраженной сакральной семантикой, то есть те слова, на которые изначально распространялась традиция запрета. В фольклорных поэмах М. Цветаевой это слова ТГ «смерть», «нечисть», «имена», «люди», «части тела», «действия», «небеса», «болезнь», «любовь» (группы представлены в порядке уменьшения очевидности табуирования слов). Для современных (этикетных) табу эвфемизация также является продуктивным способом соблюдения произносительного запрета. В поэмах М. Цветаевой это слова, связанные с половым актом ‘зачатие’, ‘совокупление’, ‘согрешившая женщина’, ‘согрешить’ (изначально эти слова обладали сакральным смыслом, но позже стали осознаваться как «неприличные»). Следовательно, наиболее продуктивным является табуирование с эвфемистическими заменами, которое охватывает и древнейшие, и современные слова.

Развитие этого способа в цветаевском идиолекте идет двумя путями. Во-первых, могут использоваться общепринятые эвфемизмы или формы слов, характерные для фольклора (*нежить* – ‘представители темных сил’, *лесной шишига* – ‘ветер’)) Во-вторых, М. Цветаева создает индивидуально-авторские эвфемизмы (*кумачи*, *гикоты-торги* – ‘нечисть’, *ладонь-глубизна* – ‘небо’) Как правило, для таких эвфемизмов характерна семантическая емкость слова, увеличение которой достигается несколькими способами (по Н.В. Черных). Например, путем актуализации в слове нескольких значений (‘нечисть’ – *кумачи*.

идея родства, связь с крещением (от кум – ‘крестный отец’), торговлей (от кумач – ‘ткань’), кровью (от кумачовый – ‘цвет крови’)). Второй вариант увеличения семантической емкости слова – изменение смысла слова-эвфемизма до противоположного (*красная девица* – от арх. и нар - поэтич ‘красавица’ до ‘убийца, обагренная кровью’). Третий способ увеличения семантической емкости слова – опредмечивание метафор. Например, на основе метафоры подобран эвфемизм *вторая земля*, который опредмечивается как ‘небеса – место обитания умерших’ Особую значимость приобретает данный эвфемизм в контексте смерти-вознесения упыря, который вместо того, чтобы быть погребенным в земле и, продолжая путь вниз, провалиться в преисподнюю, перемещается в небо. Наконец, в цветаевском идиолекте опредмечиваются фразеологизмы Так, слово со значением ‘гроб’ заменяется эвфемизмом *хата*: «*И не надо нам в ту хату — ногой*», причем семантика табуированного слова в данном примере, помимо контекста, выявляется сопоставлением с фразеологическими единицами *одной ногой в могиле (стоять, быть)* – ‘почти умереть’ – и *ни ногой (куда-либо)* – ‘категорически не стремиться куда-либо’.

Традиционно для замены слова-табу используется один эвфемизм. В фольклорных поэмах М. Цветаевой для табуированных слов часто подбирается несколько эвфемизмов, подчеркивающих тот или иной признак запрещенного к прямому называнию предмета или понятия. Так, для обозначения представителей темных сил в «Молодце» М. Цветаева использует как традиционные фольклорные эвфемизмы (*нежити, гости, сатаны, воинство вечернее*), так и собственные, часто созданные по народной модели (*зикоты-торги, ярманка-орда, кумачи, сброд красен-незван, гости нетаковские, слободские, лести лисьи, Роман-не Роман, Иван-не Иван*) Все они выделяют детали внешности и поведения этих персонажей Такое многогранное описание запретного явления в рамках одного текста не характерно для народной традиции. Следовательно, в поэтическом идиолекте М. Цветаевой это индивидуально-авторская черта табуирования, которая способствует раскрытию сути табуированного понятия, образа героя или ситуации в соответствии с авторским миропониманием.

В п. 2.3.2 «Табу-умолчания» дана характеристика подобных табу. Они делятся на неназывания (п. 2.3.2.1) и недоговаривания (п. 2.3.2.2).

Неназывания представляют собой табу, не замещенные эвфемизмами и восстанавливаемые в ритмически и рифмически достаточном контексте только по смыслу, например. *«Бегут русы! // Бегут круты! // Шелком скрученные – // Эх! // Моя – круче, // Твоя – круче, // У Маруси – круче всех!»* (неназывание косы как значимого обрядового символа и признака избранности героини). Табуированию таким способом в фольклорных поэмах подвергаются слова ТГ «люди», «части тела», «одежда, украшения», «действия», «пища / напитки», то есть в основном группы слов с «бытовым» значением.

Недоговаривания (в широком смысле), в отличие от неназываний, восстанавливаются по рифме и ритму *«Ай, в самую сердь! // Прощай, моя –»* (недоговаривание *смерть*). Исключение – *на-ли-[вай? ваем? л? ть?]*: восстановить это слово полностью с высокой долей вероятности не удалось никому из исследователей (см. работы Л. В. Зубовой, Н. К. Телетовой). Не договариваться могут как целые слова, так и отдельные слоги *«Лют брачный твой пир, // Жених твой у –»* (недоговаривание [-*пырь*]). В последнем случае можно использовать термин недоговаривание в узком смысле. Табу-недоговаривания сближаются по форме с рифменными загадками, однако ответ не должен быть произнесен.

Еще одна особенность цветаевских табу-недоговариваний – это их обязательное сюжетное обоснование. Как правило, они являются следствием нарушения коммуникативного акта – смерти говорящего (*у-[пырь]*), внешних помех (бой колокола) и т. п. Например, в диалоге *«Сопит, пышет! // Спешит! – Силком-натиском! // – Сплю-не слышу, // Сплю-не слышу, ма –»* недоговаривание *ма-[тушка]* обусловлено в первую очередь смертью адресата речи, а также невозможностью для Маруси назвать мать, которую она обрекла на смерть, ее нежеланием слушать и, главное, слышать умирающую мать и резкой сменой действия (в следующих строках мать уже обречена к погребению) Иногда недоговаривания обусловлены резким перенесением сюжетного действия в другой интерьер (*на-ли-*).

В п. 2.4. «Лексико-семантическая классификация слов-табу в фольклорных поэмах М. Цветаевой. Особенности тематических групп» представлена классификация табуированных слов на основе семантики. В качестве названия ТГ используется семантическое ядро,

вокруг которого располагаются табуированные лексемы. Под ТГ понимается группа слов, иногда различных по частеречной принадлежности, но объединяемых на основе определенной семантики. В фольклорных поэмах М. Цветаевой табуированию различными способами подвергаются следующие ТГ (представлены в порядке уменьшения очевидности табуирования): 1) «смерть»; 2) «нечисть» (представители потусторонних темных сил), 3) «имена», 4) «люди», 5) «части тела»; 6) «действия», 7) «небеса»; 8) «одежда, украшения»; 9) «пища / напитки», 10) «болезнь»; 11) «любовь». Следовательно, общая семантика табуированных слов совпадает с традиционной, так как произнесение слов данных ТГ запрещалось у разных народов (в том числе и у славян) с древнейших времен. Все ТГ различны как по объему, так и по степени соответствия народной традиции.

В п. 2.4.1 «Тематическая группа “смерть”» проанализировано табуирование слов с такими семами, как (в круглых скобках приведены эвфемизмы из текстов М. Цветаевой, в квадратных – умалчиваемые элементы или слова): 1) ‘смерть’ (*грозный отдых, шабаш, шах и мат, [смерть]*); 2) ‘кладбище’ (*двор сквозной, крестовая улица, крестовый садик, погост*); 3) ‘могила, гроб’ (*вечный дом, гробочек-домовина, дом, дом на крестовой улице, дом с крестовою крышею, изба, хата*); 4) ‘покойник’ (*гости имениты, молодёц, плоти румянисты, упо-[койнишу]*); 5) ‘вероятность смерти’ (*[смерть может случиться]*), 6) ‘умереть’ (*вылетел из тела дух, (разом) вышли румяна, душа с телом расстается, зачахнуть, испустить душу, кануть без дна, [пропáсть], уйти, уйти под полог*); 7) ‘не умирать’ (*душа нейдет из ребрышек*); 8) ‘разбиться’ (*тело [разбилось]*); 9) ‘готовить(ся) к смерти’ (*возводить дом, выстраивать дом, стелить постель, строить избу*), 10) ‘быть готовым к смерти’ (*дрогги поданы*); 11) ‘убить’ (*душу развести с косточкой, кость с мясом врозь развести, уколыбелить*), 12) ‘загрызть’ (*загры-[зу]*); 13) ‘не заслужить похорон по обычаю’ (*не заслужить земли, уйти без пона*)¹.

Тема смерти наиболее сакральна у большинства народов. Табуирование слов этой ТГ осуществляется всеми способами со значительным преобладанием эвфемистических замен.

¹ Здесь и далее приводятся как традиционные, так и авторские замены табуированных слов, однако при анализе особое внимание уделяется собственно цветаевским семантическим, структурным и функциональным особенностям эвфемизмов

Табуирование слов ТГ «смерть» осуществляется в основном в соответствии с традиционными представлениями о ней: смерть как разделение души и тела (*вылетел из тела дух, душа с телом растает* и др.); как путь в иной мир (*уйти, уйти под полог, дороги поданы* и др.); как переселение (*крестовая улица, крестовый садик, дом, хата, выстроить дом* и др.); как потеря жизненных сил (*зачахнуть*), изоморфизм смерти и сна (*грозный отдых, стелить постель, уколыбелить (на всю вечность-неделю)* и др.); похороны по-христиански как обязательное условие «чистой» смерти (*не заслужить земли, уйти без пона*). Трижды табуирование осуществляется на основе нетрадиционных представлений о смерти ('смерть' – *шабáш* (2 раза), *шах и мат*)

Примеров авторского отступления от мировой культурной традиции в фольклорных поэмах Цветаевой немного, что объясняется народной основой произведений и бережным отношением автора к традиционной, в частности русской, культуре. Эти отступления связаны с подбором эвфемизмов на основе относительно современных ассоциаций (жизнь – игра, следовательно, смерть – конец игры, *шах и мат*). Например, лексема со значением 'смерть' заменяется эвфемизмом *шабáш*. Шабáш – это 'отдых' (ср. др.-евр. *šabbâť* – 'суббота'); 'время, свободное от дела'; 'конец работе'. В качестве сказуемого *шабáш* – прост. 'конец, гибель'. Такое значение слова возникло на одном из поздних этапов развития языка. М. Цветаева актуализирует, усиливает смысл слова, расширяя его до значения 'конец всему', что применительно к живым существам (Егорушке) означает смерть. Слово *шабáш* в финале поэмы-сказки «Царь-Девница» сюжетно совпадает с моментом убийства Царя мужиками. При этом создается впечатление сумятицы, безудержного разгула, бесовства. Актуальным становится омограф *ша́баш* – 'ночное сборище ведьм'.

Слово *ша – баш*, разделенное М. Цветаевой в этом случае длинным тире, подразумевает паузу при произнесении и позволяет поставить ударение и на первом, и на втором слоге. Будучи графически и ритмически нестандартным и не имея рифменной пары, оно является маркером конца текста, а в сочетании с восклицательным знаком знаменует накал эмоций, кульминацию восстания народных масс против Царя. Очевидно, что в одной форме слова М. Цветаева включает несколько значений: по принципу градации, усиления зна-

чимости – 1) финал поэмы-сказки, 2) смерть, финал жизни человека; 3) победа хаоса, разгул, то есть конец гармоничного мира. Таким образом, слово *шабаиш* характеризуется как семантически емкое, совмещающее в себе архаические и современные значения, а также различные по степени напряженности семемы. Можно сказать, что использование лексемы *шабаиш* в значении ‘смерть’ характерно для творчества Цветаевой, по крайней мере, для фольклорных поэм.

Отступления Цветаевой от традиции также могут быть связаны с актуализацией значимых деталей повествования. Так, эвфемистическая конструкция *душа нейдет из ребрышек* (‘человек не умирает’) отражает специфику статуса героини «Молодца» (ср с trad. парой *душа и тело*). Маруся сама называет себя *«грешницей великой пред Богом»* – на ее совести смерть матери и брата. Считалось, что душа праведника покидает тело через рот (см. статьи С. М. Толстой), в то время как душа грешника должна испытать муки, поэтому выходит из тела сквозь ребра (см. «Очерки по антропологии молчания» К.А. Богданова). Следовательно, приведенный эвфемизм наиболее точен при описании смерти Маруси.

Индивидуально-авторским приемом М. Цветаевой является и «смена знаков на противоположные» (В. Ю. Александров). Например, упырь называет невесту не традиционным обращением *жизнь моя*, а антонимичным: *«Ай, в самую сердь! // Прощай, моя —»* (недоговаривание [смерть]). Такая зеркальная замена обусловлена сюжетом (от Маруси зависит судьба упыря – его новая жизнь или окончательная смерть) и амбивалентностью понятий *жизнь* и *смерть* для самой М. Цветаевой, когда обыденная жизнь есть смерть души, а физическая смерть – путь к истинной жизни.

В п. 2.4.2 «ТГ “нечисть”» представлен анализ таких табу, как.

- 1) ‘нечисть как бесформенная масса, аморфная вредоносная сила’ (*верста огненна, воинство вечернее, гости (расхорошие, непрошены, залетные), кумачи* и др.);
- 2) ‘упырь’ (*у–[пырь], жених, молодец, не свой, нежить, рубаха кумашная* и др.);
- 3) ‘черт’ / ‘дьявол’ (*князь, не-наш, Нечистый, с кисточкой, Сам-сам, шут / Шут*);
- 4) ‘ветер’ (*лесной шишига*);
- 5) ‘колдун’ (*гость дорогой, дрянь, дядька, царевичев усердный шептун* и др.);
- 6) ‘ведьма’ (*полунощная летунья*);
- 7) ‘мифологический персонаж для устрашения детей’ (*Полунощни-*

ца); 8) 'змей' (*зверь неслыхан, зверь-он-яр, летун-хатун* и др.); 9) 'волчица-оборотень' (*Волчиха / Волчица, Сама*) Проанализировав их, мы пришли к выводу о большей степени следования автором традиции табуирования, нежели введения индивидуальных приемов.

Наиболее выразительными являются подгруппы «упырь» и «нечисть», что обусловлено многочисленностью эвфемизмов с данными значениями, передающих мельчайшие смысловые оттенки образов

Эвфемизмы, написанные с заглавной буквы, выполняют в основном функции «величания» (*Сама, Полунощница, Нечистый*), эвфемизмы-антонимы – комплиментарности ('нечисть' – *гости расхорошие*, 'колдун' – *гость дорогой*) Антонимичные табуированному слову эвфемизмы могут подчеркивать амбивалентность табуированного слова, выражать авторское отношение к референту, обнажать смысл поэмы в целом, часто при этом оценочные характеристики явлений меняются М. Цветаевой на противоположные ('упырь' – *мóлодец*).

Подбор эвфемизмов чаще всего основан на: 1) характеристике внешнего облика нечисти (*табор, с кисточкой, рубаха кумашная, пакостник рябой*); 2) локуса нечисти (*лесной шишига, дичь*), 3) времени действия (*полуночная летунья, Полунощница*); 4) особенностей поведения (*летун, хатун, рыскун, шептун*); 5) обозначении родственных связей (*дядя, дядька, кумовья, братцы*), 6) реализации этнологических оппозиций, в частности «свой – чужой» (*не-наш, чужой, не свой, пришлый, гость*).

В некоторых эвфемизмах ('нечисть' – *кумачи*, 'упырь' – *мóлодец* и др.) в рамках одного слова сочетаются узуальные иokkaзиональные значения, что соответствует принципу семантической емкости слова как одному из ведущих приемов в поэтическом идиолекте М. Цветаевой. Например, в семантически емком эвфемизме *чудь* сконцентрировано несколько смыслов, которые связаны с опасностью, исходящей от всего незнакомого: 1) 'не принадлежащий к данному роду, племени' (ср. *чужой*), то есть становится яркой параллель *чудь – чужой гость – заезжий купец*; 2) 'странный, не такой как все' (ср. *чудной, чудо*). В этом значении актуализируется признак инакости нечисти по сравнению с людьми, 3) 'страшный, пугающий' (ср. *чудовище*)

В слове *чудь* предполагается первоначальное значение 'германцы' (из гот. *thiuda* 'народ', отсюда и *чужой*), однако отмечаются как род-

ственные слова саам. норв. *šutte, cudde*, саам шв. *čute, čude* ‘преследователь, разбойник, название врага, притесняющего лопарей’. Русские стали называть чудью финские племена, вероятно, вкладывая идею несходства, чуждости их быта, языка, веры, обычаев с русскими. Кроме того, в слове *чудь* выделяется морфологическое значение собирательности, неиндивидуализированности. Заменяя эвфемизмом *чудь* табуированное слово ‘нечисть’, М. Цветаева, с одной стороны, расширяет значение *чудь* ‘финские племена’ до ‘чужие, чуждые вообще’; с другой стороны, подчеркивает признак инакости, неизвестности гостей, их непредсказуемости, вызывающей страх, наконец, актуализирует значение ‘враг, преследователь’, а вместе с ним и параллель *гость – враг – чужой*. В данном случае семантическая емкость эвфемизма обусловлена сочетанием в нем нескольких смыслов фонетически подобных лексем.

В п. 2.4.3 «ТГ “имена”» дается анализ табу данной ТГ как одной из древнейших. Табуированию в фольклорных поэмах подвергаются имена персонажей, которые связаны с потусторонними силами: ведуньи, заклятого богатыря, заклятой и умершей Маруси, некрещеного сына Маруси; отца Егорушки, наделившего его оборотнической природой. Некоторые эвфемизмы семантически очень емки и отражают традиционную символику (*краса* – красный цвет, кровь, красота). В тексте каждое значение сюжетно обосновывается (Маруся – источник крови для упыря, самая красивая и румяная девушка). Иногда эвфемизмы раскрывают истинную сущность героев (*не-мужняя, кладезь лишь мне (упырю) ведомый* – предназначенность Маруси упырю, несмотря на замужество; *орел златоперый* – образ крылатого ангела и связь героя с раем на основе символики золотого цвета). При отсутствии конкретных имен героев создается впечатление всеобщности магического слова, всеобщей зависимости человека от потусторонних сил. Скрывая имена главных героев, М. Цветаева обнажает магическую сущность сюжета, подчеркивает принадлежность героев к иному миру, их уникальность и одновременное отличие от героев как традиционных народных сказок и былин, так и литературных источников. Так, наиболее интересной представляется безымянность Маруси от первой ее смерти до второй, то есть отсутствие имени подчеркивает пограничный статус героини, ее непринадлежность ни к одному из миров.

В п. 2.4.4 «ТГ “люди”» описаны особенности табуирования слов данной ТГ. В фольклорных поэмах М. Цветаевой табуированы слова со следующей семантикой: 1) ‘незаконнорожденный младенец’ (*блуд, заугольничек, ничей сын, безродный, Богдан*) – эвфемизацией; 2) ‘девица’ / ‘невеста’ – неназыванием; 3) ‘матушка’ (*ма–[тушка], мату–[шка]*) – недоговариванием. Слова ТГ «люди» характеризуются различной степенью сакральности как основного признака табуированного понятия. Таинственная суть запретных слов ярче в лексико-семантическом ряду со значением ‘незаконнорожденный ребенок’. В эвфемистических заменах этого понятия выражены народное отношение к денотату и связанные с этим особенности поведения (отрицательная коннотация – *блуд, безродный*, положительная – *Богдан, заугольничек* (ср. с trad. нар. *заугольник, зауголок, зауголыш*), нейтральная – *ничей сын*) Недоговаривание слова *матушка* вызвано целым рядом причин как внешнего, так и внутреннего характера и сюжетно оправданно, однако сакральная суть табу минимальна. В процессе табуирования слов ТГ «люди» раскрывается природа и истинная сущность героев (объяснение через эвфемизмы оборотнической сути Егорушки, через неназывание (в контексте) – избранности Маруси)

В п. 2.4.5 «ТГ “части тела”» проанализированы табуированные разными способами слова со значениями: 1) ‘грудь’ (*вздошный склон*); 2) ‘щеки’, 3) ‘коса’, 4) ‘ушко́»; 5) ‘тело’ (*домок*)

Эвфемизмы, обозначающие части тела, метафоричны и семантически осложнены (термин С.А. Миняевой). К примеру, эвфемизм *вздошный склон* создан на основе внешнего сходства груди с холмом, склоном, которое проявляется наиболее ярко в момент дыхания, глубокого вздоха. *Дыхание*, как в народном сознании, так и в поэтическом идиолекте М. Цветаевой, соотносится с *душой*, которая мыслится локализованной в груди человека: «*Грудь женская! Души застывший вздох* ». Исторически слова *вздох* и *душа* — однокоренные. Таким образом, в данном эвфемизме происходит этимологическая регенерация (по Л В. Зубовой) слов *вздох, вздошный* в сопоставлении с понятием *души* — прием, характерный для поэтического идиолекта М. Цветаевой. Вздох, дыхание связаны с жизнью, их отсутствие — со смертью.

Слово *душа* представляет собой центр пересечения семантических полей «жизнь» и «смерть» (см. работы Н.В. Черных) Энантисемичность данного эвфемизма проявляется в сочетании эпитета *вздошный*, связанного с дыханием как жизнью, и слова *склон*, ассоциативно связанного со смертью (склон как могильный холм, шире — закат (ср. *небосклон*) жизни) В контексте поэмы-сказки «Молодец» это становится внутренним обоснованием использования данного эвфемизма: главные герои одновременно связаны с миром жизни и смерти, причем традиционные понятия *жизнь* и *смерть* для них приобретают прямо противоположные значения. Высшая ценность для них и условие, при котором Молодец и Маруся будут вместе, в вечной жизни, — это смерть (отсюда готовность Маруси пожертвовать своей земной жизнью во имя любви). Такое понимание оппозиции «жизнь — смерть» характерно для М. Цветаевой; главные герои являются выразителями авторского мировоззрения, а подбор данного эвфемизма можно охарактеризовать как индивидуально-авторскую особенность табуирования.

Общий семантический оттенок большинства табуированных слов ТГ «части тела» — обозначение избранности Маруси, ее отличия от других девушек. Все табуированные части тела — это потенциальные объекты магического воздействия, значимые для героини «Молодца».

В п. 2.4.6 «ТГ “действия”» описано табуирование глаголов различной семантики (за исключением глаголов, входящих в ТГ «смерть» и обладающих ярко выраженной сакральностью значения). К ТГ «действия» могут относиться как слова, передающие смысл обрядовых действий, так и лексемы, не выполняющие этой функции Среди слов данной ТГ выделяются лексемы со следующей семантикой 1) ‘заколдовать’ (*развязать [кому-либо] кровь*); 2) ‘целовать’ (*уста прижечь, уста припечатать печатью*); 3) ‘проснуться’ (*пора бы уж выйти глазочкам из горенки*), 4) ‘действия, связанные с запретом на именование’ (*назо [вись]*); 5) ‘ритуальный танец’ (*вспля – [шем]*); 6) ‘действия-обереги’ (*изы –[дите]*); 7) ‘клятва, божба’ (*[клянемся]*), 8) ‘действия с семантикой знания’ (*[не знаю]*, *[не помню]*); 9) ‘наливать’ (*на – ли – [вай]*).

Функции слов-табу данной ТГ различны Эвфемизмы в основном передают семантические оттенки (*развязать кровь* — ‘заколдовать по-

средством укола' и 'пустить кровь'), а недоговаривания, кроме того, моделируют сюжет. Таково, к примеру, недоговаривание слова *наливай*, когда его повтор совпадает с перенесением действия из комнаты, где пируют гости-нечисть и барин, в другую комнату, где героиня укачивает сына. Следовательно, недоговаривания в фольклорных поэмах, помимо внутренних причин табуирования, всегда имеют внешнее, сюжетное обоснование. Усилена функциональная значимость табу по сравнению с традиционными объяснительной и предохранительной функциями. В целом табуирование ТГ «действия» в большей степени отражает функциональные особенности табу и эвфемизмов в фольклорных поэмах М Цветаевой, в то время как их семантика традиционна.

В п. 2.4.7 «ТГ “небеса”» посредством анализа табуирования дается характеристика образа небес в цветаевском идиолекте. Замена слова *небеса* патронимичными (*Зорь-Лазаревна*, *Синь-Ладановна*, *Высь-Ястребовна* и под.) и другими аппозитивными сочетаниями (*ладонь-глубизна*, *Сгинь-Бережок*) подчеркивает фольклорную основу поэм. Эвфемизмы небес можно разделить на четыре семантических подгруппы: небеса как «тот» свет (*вторая земля*, *тартарары*), отражение идеи зеркальности миров (*ладонь-глубизна*, *Синь-Озеровна*); персонификация объектов природы (патронимы, *круты рамена*); внешние черты небес (*лазорь*). Эти подгруппы отражают основные представления о небесах в фольклорной традиции, но отдельные аспекты авторского мировосприятия также отражены в подборе эвфемизмов (*крутая гора* – путь на «тот» свет как безоговорочное перемещение вверх, патронимы как персонификация соблазнов).

В ТГ «одежда, украшения» (п. 2.4.8) и ТГ «пища / напитки» (п. 2.4.9) входит по одному примеру из фольклорных поэм М Цветаевой – слова со значением 'монисто' ('ожерелье', 'запястье') и 'вино' соответственно

В п. 2.4.10 «ТГ “болезнь”» представлен анализ слов-табу данной ТГ, которые табуируются только способом эвфемизации. При этом эвфемизмы подбираются на основе народного объяснения причин большинства болезней (*порча*, *сглаз*) и их симптомов (*лихоманочки*). Табуирование слов данной ТГ обусловлено пограничным статусом больного человека, его существованием на грани жизни и смерти. В

целом табуирование ТГ «болезнь» в цветаевских поэмах соответствует народной традиции.

В п. 2.4.11 «ТГ “любовь”» проанализированы эвфемизмы двух слов: ‘любовь’ (*гостя, Знобь-Тумановна, некаленные стрелы* и др.) и ‘поцелуй’ (*красный загар, круг, печать, слюнка* и др.). Табуирование слов ТГ «любовь» в целом традиционно, соотносится с различными аспектами восприятия этого чувства в народной культуре и психологии. Актуальными кажутся представления о любви как зыбком состоянии; болезни; о связи любви с потусторонними силами, об идее избранности любимого человека; о поцелуе как способе магического воздействия и важнейшем компоненте приворотного обряда.

В п. 2.5 «Этикетные табу и их особенности в фольклорных поэмах М. Цветаевой» представлен анализ четырех слов, которые можно отнести к этикетным табу. Это слова, связанные с половым актом (‘совокупление’, ‘зачатие’, ‘согрешить’, ‘согрешившая женщина’). Табу данной группы примечательны тем, что они основаны на архаических верованиях, когда их денотаты воспринимались как часть обрядовых действий (зачатие как создание жизни). Позже оценка этих понятий изменилась настолько, что они сами или упоминания о них стали считаться недопустимыми. Будучи семантически связанными с современными этикой и моралью, табу данной ТГ могут быть названы этикетными лишь условно, чтобы отразить их отличие от других табу, ни семантически, ни логически не связанных с этикетом.

В п. 2.6 «Функции языковых табу в фольклорных поэмах М. Цветаевой» описаны основные функции слов-табу, как традиционные (предохранительная, объяснительная, регламентирующая), так и обусловленные спецификой литературного произведения (выражение авторских идей, способ наиболее полной характеристики героя, привлечение внимания читателя и поддержание его интереса к тексту).

В заключении формулируются основные выводы по итогам исследования. Табуированию в фольклорных поэмах подвергаются слова различных ТГ, связанных с древнейшей, архаической традицией. В то же время в фольклорных поэмах находит свое отражение и исторически более поздняя форма табуирования как результата внешнего запрета (этикета, цензуры и т.д.).

Семантическая классификация слов-табу в фольклорных поэмах М. Цветаевой полностью совпадает с традиционной, однако оттенки смысла связаны со спецификой авторского мировосприятия. Например, осознание пути грешников на «тот» свет как вознесения проявляется в эвфемизме *тартарары* для обозначения неба (не провал, а «вознесение в ад»). Абсолютизация образа небес как высшего бытия выражена в замене слова «небеса» патронимами (*Синь-Озеровна, Зорь-Лазаревна* и под.). При этом подчеркивается значимость небес как конца жизненного пути человека, единственно возможного итога его существования. Отсюда множество эвфемизмов неба, ассоциативно связанных со смертью: *Синь-Ладановна, Сгинь-Бережок, Синь-Савановна, Глыбь-Яхонтовна, котел без дна, тартарары, (наш) положок*.

Чаще всего табуирование в фольклорных поэмах осуществляется способом эвфемизации. Большое количество эвфемизмов, подобранных М. Цветаевой для замены одного слова, способствует наиболее полной характеристике предмета, явления или персонажа, название которого табуируется, помогает читателю проследить развитие образа героя, узнать об истинной сути табуированных явлений и получить их целостную характеристику в соответствии со специфическим авторским замыслом.

Иногда слова-табу видоизменяются или опускаются вовсе (просто умалчиваются), что подчеркивает одновременно и архаичную основу их использования, и литературное структурирование поэтического текста.

Помимо традиционной функции неназывания чего-либо, табу в фольклорных поэмах Цветаевой создают фон повествования, моделируют сюжет произведения на уровне языка. Таким образом, табуирование слов и необходимость дешифровки читателем цветаевского текста способствуют не только эмоциональному восприятию произведений художественной литературы, но и их глубокому переосмыслению.

Врожденная способность Марины Цветаевой чувствовать язык и культуру своего народа позволила ей остаться в рамках традиции табуирования, но внести максимум собственного, нестандартного, органически вплетая индивидуально-авторское в фольклорную канву.

В **приложении I** представлена лексико-семантическая классификация архаических табу, замещенных эвфемизмами, в фольклорных

поэмах М. Цветаевой. В **приложении II** – лексико-семантическая классификация архаических табу-умолчаний в контексте. **Приложение III** содержит перечень слов-табу, связанных с проявлением этикета, в контекстуальном окружении. В **приложении IV** представлен обобщающий перечень традиционных и авторских черт словесного табу в поэтическом идиолекте М. Цветаевой.

Основные положения диссертационной работы были представлены в нижеперечисленных публикациях:

1. Иванова О.А. Табу и эвфемизмы в поэме-сказке М. Цветаевой «Молодец» Тезисы // Материалы XXVII научной студенческой конференции 1999 г. – Ростов н/Д, 1999 (0,1 п.л.)

2. Иванова О.А. Модель народно-поэтических аппозитивных сочетаний в поэме-сказке М. Цветаевой «Молодец». Тезисы // Материалы XXVIII научной студенческой конференции 2000 г. – Ростов н/Д, 2000 (0,1 п.л.)

3. Иванова О.А. Фольклорная традиция и авторские особенности табуирования в поэме-сказке М. Цветаевой «Молодец». Тезисы // Материалы конференции аспирантов факультета филологии и журналистики. – Ростов н/Д, 2001 (0,1 п.л.)

4. Иванова О.А. Проблемы теории словесного табу (применительно к языку фольклора) Статья // Эстетические и лингвистические аспекты анализа текста и речи: Сб. статей Всероссийской (с международным участием) научной конференции. В 3-х тт. – Т. 3. – Соликамск, 2002. (0,7 п.л.)

5. Иванова О.А. Архаические словесные табу в идиолекте М. Цветаевой. Тезисы // Язык в пространстве и времени: Сб. тезисов Международной научной конференции. – Самара, 2002. (0,2 п.л.)

6. Рутер О.А. Табу и эвфемизмы на фоне теории языковых полей (на примере фольклорных поэм М. Цветаевой). Тезисы // Материалы конференции аспирантов факультета филологии и журналистики. – Ростов н/Д, 2002 (0,1 п.л.)

7. Иванова О.А. Имена собственные и табуирование в поэмах М. Цветаевой, написанных на народные сюжеты Статья // Марина Цветаева в русской культуре XX века: Сб. докладов X Международной научно-тематической конференции. – М., Дом-музей М. Цветаевой, 2003. (0,4 п.л.)

8. Рутер О.А. Табуирование лексико-семантической группы «смерть» в идиолекте М. Цветаевой (на примере фольклорных поэм) Статья // Филологический вестник РГУ № 1. 2003. (1 п. л.).

9. Рутер О.А. Табуирование лексико-семантической группы «болезнь» в поэмах М. Цветаевой «Переулочки» и «Царь-Деввица». Статья // Труды аспирантов и соискателей Ростовского государственного университета. – Т. IX. – Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 2003. (0,2 п. л.).

10. Рутер О.А. Архаические словесные табу в фольклорных поэмах М. Цветаевой: от эмоционального к рациональному. Статья // Соотношение рационального и эмоционального в литературе и фольклоре: Материалы Международной научной конференции «Рациональное и эмоциональное в литературе и фольклоре». – Ч. 2. – Волгоград, 2004 (0,2 п. л.).

11. Рутер О.А. Особенности этикетных табу в фольклорных поэмах М. Цветаевой. Тезисы // Тезисы докладов молодых исследователей. – Ростов н/Д, 2004. (0,1 п. л.)

12. Рутер О.А. Архаическое словесное табу в фольклорных поэмах М. Цветаевой: от эмоционального к рациональному. Статья // Материалы XII Международной научно-тематической конференции «Стихия и разум в жизни и творчестве Марины Цветаевой». – М.: Дом-музей М. Цветаевой, 2005. (0,4 п. л.).

13. Рутер О.А. Табуирование слов лексико-семантической группы «части тела» в фольклорных поэмах М. Цветаевой («Молодец», «Царь-Деввица»). Статья // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия «Общественные науки» № 1. 2007. (0,6 п. л.).

14. Рутер О.А. Табуирование слов лексико-семантической группы «люди» в фольклорных поэмах М. Цветаевой («Молодец», «Переулочки», «Егорушка»). Статья // Вестник Чувашского университета. Серия «Гуманитарные науки». № 1. 2007. (0,6 п. л.).

15. Рутер О.А. Произведения фольклора как источник изучения языкового табу в традиции славян. Тезисы // Материалы Международной научной конференции «Языковая система и речевая деятельность: лингвокультурологический и прагматический аспекты». – Вып. 1. – Ростов н/Д, НМЦ «Логос», 2007. (0,2 п. л.)

Подписано в печать 05.10.2007. Формат 60×84 $\frac{1}{16}$.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Объем 1,2 п.л.
Тираж 100 экз. Заказ 30/10.

Отпечатано в типографии ООО «Диапазон».
344010, г. Ростов-на-Дону, ул. Красноармейская, 206.
Лиц ПЛД № 65-116 от 29.09.1997 г.